

Ф.В. Ливанов

Раскольники и острожники

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Ф11

Ф11 **Ф.В. Ливанов**
Раскольники и острожники: Том 4 / Ф.В. Ливанов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 660 с.

ISBN 978-5-4241-8580-9

Раскольники и острожники.

ISBN 978-5-4241-8580-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА.

Въ выпускаемомъ нынѣ IV томѣ своихъ изданій, мы довели «*Исторію Молоканъ и Духоборцевъ*» до царствованія Императора Николая I. Еще обозрѣтъ два царствованія: Николая I и Александра II, и «*исторія Молоканъ и Духоборцевъ*» въ Россіи будетъ закончена. Предоставляемъ справедливому и благосклонному читателю судить самому, на сколько мы въ выпущенныхъ уже теперь четырехъ томахъ своихъ изданій успѣли разработать исторію этихъ, доселѣ неизвѣстныхъ сектъ. Если онъ приметъ во вниманіе внутреннія и внѣшнія препятствія, съ которыми приходится бороться первому составителю этой исторіи,—съ одной стороны всякое отсутствіе печатныхъ источниковъ, съ другой совершенную необработанность сырыхъ архивныхъ матеріаловъ, по которымъ только и остается составлять эту исторію,—то конечно не откажетъ нашему первому опыту въ справедливомъ снисхожденіи. Сырые матеріалы требуютъ всегда во первыхъ терпѣливаго изученія и старательной сортировки и во вторыхъ критической ихъ оцѣнки,—т. е. въ данномъ случаѣ *уразумѣнія смысла* религіозныхъ явленій... Ненормальныя проявленія религіознаго сознанія представляютъ предметъ интересный прежде всего въ психологическомъ отношеніи, какъ для фізіолога патологическія измѣненія въ организмѣ... Почему названныя секты распространились съ такою легкостію и держались и держатся доселѣ съ такою стойкостію? Почему простой молоканскій старецъ, ухватившись обѣими руками за Библію, занимаетъ извѣстное авторитетное положеніе среди собранія вѣрующихъ людей, которые охотно внимаютъ живому поученію его на простомъ народномъ языкѣ и остаются глухи къ тѣмъ благовѣствованіямъ, какія предлагаются имъ законными пастырями? Почему простые наставники успѣваютъ разшевелить въ загрубѣлой натурѣ простолюдина тѣнныя струны, которыя до сихъ поръ беззвучно пребывали укоромъ офіціального равнодушія къ совѣсти ближняго? Почему вмѣстѣ съ образованіемъ названныхъ сектъ вдругъ замѣчалось возвышеніе нравственности сектантовъ? И счастливъ пастырь, который во время подмѣтитъ

начинающееся колебаніе своей паствы и поспѣшать къ ней на встрѣчу, чтобы самому стать во главѣ могущаго быть движенія....

Но съ чѣмъ онъ выступить въ данномъ случаѣ? Съ пустыми руками? Для него доселѣ не была никѣмъ составлена полная и толковая исторія означенныхъ нами сектъ,—сектъ, прибавимъ, рационалистическихъ, слѣдовательно самыхъ трудныхъ въ борьбѣ съ ними. Православному пастырю доселѣ не было дано въ руки подробнаго систематически-богословскаго опроверженія ученія сихъ сектъ.... А врачъ, геобученный медицинѣ, не можетъ никакъ лечить болѣзней—ни худо, ни хорошо; онъ можетъ быть чѣмъ угодно, но не врачомъ. Духовнымъ журналамъ нашимъ, особливо издающимся при Духовныхъ Академіяхъ, кажется естественнѣе бы всего заняться исторіею этихъ сектъ и опроверженіемъ ихъ ученія. А между тѣмъ ими доселѣ не было ничего предпринято къ разработкѣ сихъ сектъ. Изъ нихъ одинъ журналъ «Христіанское Чтеніе», издающійся даже въ столицѣ, при Петербургской Духовной Академіи, напротивъ, прославился недавно рѣшительнымъ скудоуміемъ по этому вопросу. Въ Декабрской книжкѣ своей за прошедшій 1872 годъ на цѣлыхъ 49 страницахъ онъ въ блаженномъ невѣденіи напечаталъ противъ нашихъ изданій статью какого то неуча, доставившаго туда изъ личностей къ намъ свое мнаніе, конечно для того, чтобы *убить* редакцію и *посмѣяться* публично надъ нею.... Авторъ статьи, скрывшій свое имя (а это очень дурно, ибо бросаніе каменьевъ изъ за угла въ проходящаго—считается дѣломъ пивкимъ....), прежде всего рекомендуется пріятелемъ В. Кельсіева, извѣстнаго эмигранта, бѣжавшаго съ пропавшими изъ Министерства Внут. Дѣлъ, гдѣ онъ служилъ, раскольничьи документы въ Лондонъ и издаваемаго тамъ оныя при помощи Искандера, Бакунина и Огарева съ возмутительными прокламаціями, оскорбительными для Царствующаго въ Россіи Дома и всего правительства Русскаго. Затѣмъ этотъ спрятавшійся за уголъ и подписавшійся буквами №№ на 49 страницахъ перечисляетъ неизвѣстно для чего и для кого цитаты нашихъ же изданій, что и откуда взято. Къ чему этотъ тупоумный трудъ, когда книги наши всѣ испещрены нарочно подробными цитатами, съ обозначеніемъ на каждой почти страницѣ источниковъ, какъ правительственныхныхъ, такъ и неправительственныхныхъ, какъ письменныхъ, такъ и печатныхъ? Кто можетъ быть способнымъ на эту низменную и тупую работу, кромѣ какого нибудь пономаря, или сторожа? И авторъ этого пасквиля, дѣйствительно, какъ намъ сказывали, есть *сторожъ* Петербургской Семинаріи, или Академіи. Узнавши, что мы имѣемъ дѣло со

сторожемъ, да еще знакомымъ съ бывшимъ Лондонскимъ изгнанникомъ В. Кельсиевымъ, мы конечно и не ожидали вычитать ничего полезного для себя въ маранъ *сторожа*.... Но прилично ли для казенной редакціи, да еще Академической, наполнять свой журналъ скудоумною, изъ личностей... сплетенною работою сторожей? Не зная автора, мы думали: вотъ наконецъ мы прочтемъ въ Духовномъ журналѣ, да еще Академическомъ, *умныя рѣчи* по разрабатываемымъ нами сектамъ: Молоканской и Духоборческой, гдѣ разумно и благородно пробѣрятъ нашъ взглядъ съ Богословской точки зрѣнія, быть можетъ установятъ совершенно новую точку зрѣнія на предметъ, быть можетъ въ чемъ нибудь съ нашимъ *первымъ опытомъ* изслѣдованія согласятся, а въ чемъ нибудь и не согласятся... И мало ли чего можно было ожидать отъ Академическаго журнала, да еще спеціально духовнаго? И что же мы нашли? Нашли самое тупое словозверженіе съ пѣною у рта озлобленнаго какого-то чербера. Но есть пословица: страшень *псарь*, да милостивъ царь. И потому намъ этихъ прихвостней В. Кельсѣва и Б^о бояться нечего. Академическій журналъ можетъ не только помѣщать противъ насъ статьи пріятелей В. Кельсѣва и Б^о, но можетъ даже всю редакцію ввѣрить благоговѣющимъ почитателямъ Кельсѣва, которые будутъ во всеуслышаніе кричать, что Лондонскія изданія Кельсѣва и Искандера имѣютъ громадное значеніе для русскаго народа... и православной церкви.... мы объ этомъ жалѣть не будемъ, да и не наше дѣло слѣдить за тѣмъ, какимъ хламомъ, написаннымъ *изъ личностей*... набиваются Духовные журналы въ Россіи, хотя и посоветовали бы *власть имѣющимъ* деньги, выданныя пасквилянту за 49 страницъ, возвратитъ обратно въ редакцію, чтобы не расточать даромъ казенныхъ денегъ.... Еще въ какой нибудь издающейся для пономарей юродливой газетѣ, въ родѣ «Современности» (гдѣ въ № 10 отъ 4 февраля 1873 г. перепечатана злоба сторожа и пасквилянтъ сой названъ *ученымъ рецензентомъ*...), простительно сорить деньгами за статьи сторожовскія, ибо тамъ издатель есть частное лицо и воленъ въ ученые рецензенты возводить даже дворниковъ своей редакціи, но журналъ Академическій принадлежитъ Всероссійской Духовной Академіи, мѣсту казенному, и помѣщать въ немъ *скандальныя статьи*, написанныя изъ личной злобы, значить *ронять достоинство правительственнаго учрежденія*. А правительственныя изданія, сколько извѣстно, всегда держатся на высотѣ, чтобы не *ронять* достоинство того, чьему имени они служатъ.... Это азбука такта! Религіозный вопросъ, какъ вопросъ вѣры... слишкомъ важенъ

въ Россіи въ настоящее время, чтобы относиться къ нему а Іа Кельсiевъ и К°. Пора наконецъ подумать, особливо духовнымъ лицамъ, поставленнымъ *на стражъ церкви*, о томъ, что ждетъ эту церковь въ недалекомъ будущемъ? Вотъ ужъ всѣ газеты недавно протрубили о томъ, что въ законодательствѣ нашемъ наступаетъ *новая эра*, и расколъ скоро получитъ право дѣлать все, что угодно,—заводить новыя моленныя, старыя отпечатать, ветхія исправлять, разводить бѣглыхъ поповъ и Архіереевъ сколько угодно.... и пр. Примѣръ съ Самарскимъ бѣглымъ Архіереемъ Гераськовымъ на глазахъ у всѣхъ... А что, если по этому проекту въ недалекомъ будущемъ около каждой церкви православной воздвигнется по 3 раскольниковыхъ моельни и въ каждомъ приходѣ останется по 5 дворовъ православныхъ, ужели и тогда Духовные журналы вмѣсто *поправленія дѣла* будутъ по примѣру уличныхъ газетъ наполняться лишь скандальными статьями?... Впрочемъ наше дѣло здѣсь сторона. Мы имѣемъ *свою задачу*, которую и стремимся довести до конца, дѣлая все, что только въ силахъ сдѣлать отдѣльный человѣкъ, и презирая всякую *злобу дня*, памятуя всегда вышеприведенную нами русскую пословицу: «страшеть *псарь*, да милостивъ царь....

Авторъ.

Москва.
28 марта 1873 г.

В.А. САПОЖНИКОВЪ

Къ портрету
В. А. САПЪЛКИНА.

ЕДИНОВЪРЕЦЪ В. А. САПЪЛКИНЪ
И РАСКОЛЬНИКИ НЕВЪЖЕСТВЕННОЙ БЪГЛОПОПОВСКОЙ СЕКТЫ
МОСКОВСКІЕ КУПЦЫ
КУЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВЪ СОЛДАТЕНКОВЪ И ТИМОФЕЙ СЛВИЧЪ
МОРОЗОВЪ.

Портретъ Владимира Андреевича Сапѣлкина, приложенный при настоящемъ томѣ, есть портретъ человека, пріобрѣтшаго въ исторіи раскола *блестящую страничку*. Сапѣлкинъ, враждаеъ среди *безобразій раскольниковъ*... понялъ, что купленная *московскими богачами-бурлаками* Австрійская бѣглая іерархія *не можетъ исправить зла*, и освободить старообрядчество отъ угрожающаго ему крайняго упадка, и что единственное спасеніе для старообрядчества заключается въ принятіи благословенныхъ православною церковью священниковъ. Эта мысль овладѣла имъ вполне и онъ задумалъ въ Москвѣ, на фанатическомъ „Рогожскомъ кладбищѣ“, основать единовѣріе съ его законнымъ священствомъ, хотя и понималъ всю опасность своего предпріятія, зналъ, какое множество враговъ вооружитъ противъ себя въ сильной партіи приверженцевъ австрійскаго священства, которую составляла вся *купеческая мужичья аристократія* „Рогожскаго кладбища“... И вотъ, наконецъ, 23 сентября 1855 г. на Рогожскомъ кладбищѣ стараниями г. Сапѣлкина одна изъ раскольниковыхъ часовенъ освящена и обращена въ *первый единовѣрческій храмъ* во имя св. Николая, и самъ Сапѣлкинъ сталъ во главѣ юнаго общества единовѣрцевъ, бросившихъ темный расколъ со свѣми его *безобразіями*..

Кто же такой был этот знаменитый Сапѣлинъ, явившійся въ исторіи раскола *примѣромъ, достойнымъ подражанія?*

Дѣдъ и отецъ В. А. Сапѣлина ¹⁾ сначала принадлежали къ церкви. Дѣдъ былъ старикъ благочестивый, характера мягкаго и, разумѣется, немного придерживался старины. Онъ выдалъ старшую дочь свою за старообрядца Архипа Обертышева. Это былъ въ свое время человекъ богатый и, что всего важнѣе, горячій ревнитель раскола: онъ платилъ двойной окладъ, имѣлъ у себя въ домѣ хорошую моленную, былъ выбранъ попечителемъ на „Рогожское кладбище“ и пользовался вообще не малымъ значеніемъ въ обществѣ раскольниковъ. На родныхъ жены своей онъ приобрѣлъ сильное вліяніе: часто ѣздилъ къ нимъ въ домъ, заводилъ бесѣды о вѣрѣ, въ которой смыслилъ мало, восхвалялъ кладбище, — и дѣло кончилось тѣмъ, что простодушные тестъ и теща стали посѣщать Рогожскія часовни, и скоро со всѣмъ семействомъ перешли въ расколъ. Сына также женилъ на раскольницѣ. Отъ этого брака въ 1800 году и родился *Владиміръ Андреевичъ Сапѣлинъ*. Онъ родился такимъ образомъ уже въ раскольничьемъ семействѣ. Мать его была горячая почитательница „Рогожскаго кладбища“ и сына старалась воспитать въ совершенной преданности старообрядчеству. Въ одной запискѣ Владиміръ Андреевичъ самъ рассказываетъ о своемъ воспитаніи. Рассказъ этотъ очень любопытенъ въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе, какъ обыкновенно въ прежнее время воспитывались дѣти въ раскольничьихъ семействахъ. Воспитывался я подъ надзоромъ своихъ родителей и въ 1808 г. отданъ былъ грамотѣ учиться къ мастерицѣ, съ торгомъ за десять рублей ассигнаціями; учился азбукѣ, часовнику, псалтырю и писать. Въ два года ученіе окончилъ и поступилъ въ лавку ²⁾. Въ Хрустальномъ ряду, гдѣ находилась тогда лавка, въ которой Сапѣлинъ началъ свое коммерческое поприще, часто собирались раскольничьи начетчики для состязаній о спорныхъ предметахъ вѣры. Живою десятилѣтній мальчикъ принималъ въ нихъ самое горячее участіе, вмѣшивался въ кружокъ спорившихъ, и самъ задавалъ имъ вопросы и дѣлалъ возраженія, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе „рядскихъ“ и доставлялъ великое удовольствіе матери, которой доносили объ успѣхахъ сына. Такимъ образомъ приобрѣлъ онъ мало по малу любовь къ преніямъ о вѣрѣ, которую отличался впоследствии и которую сохранилъ до смерти. Послѣ погрома 1812 г., возвратясь въ Москву, на пепелищѣ стараго московскаго дома, отецъ Сапѣлина построилъ новый, съ особымъ помѣщеніемъ для моленной, чѣмъ доставилъ великое утѣшеніе женѣ и сыну. Послѣдній чрезвычайно любилъ проводить здѣсь время за разными службами; никто въ домѣ раньше его не приходилъ къ заутрени, или начинать часы; читать и пѣть былъ онъ великій охотникъ и въ церковномъ уставѣ сдѣлался очень свѣдущъ. Въ декабрѣ 1853 г. умеръ на „Рогожскомъ кладбищѣ“ пощъ Иванъ Матвѣичъ. А что былъ это за пощъ, объ этомъ Сапѣлинъ въ своихъ запискахъ такъ рассказываетъ ³⁾:

— И теперь еще становится тяжело на душѣ, какъ подумаешь о прежнемъ времени, какихъ пастырей мы столько лѣтъ имѣли у себя, кому вѣдали спасеніе душъ своихъ! И добро бы хоть не знали мы всей ихъ порочной жизни! Все знали, все видѣли—и терпѣли; хоть больно было, а терпѣли и користолю-

¹⁾ Собственноручныя записки В. А. Сапѣлина. „Русс. Вѣстникъ“ 1864 г. Ноябрь.

²⁾ Записки Сапѣлина, стр. 190.

³⁾ Тамъ же, стр. 198.

біе это ихъ непоми́рное, и пьянство почти безпроси́нное и это почти открытое распутство... Вотъ хоть бы Иванъ Матвѣичъ: вѣдь онъ еще при жизни супруги, матерцъ Евоніи, началъ у насъ грѣшными дѣлами заниматься, — хаживалъ по ночамъ къ кладбищенскимъ читалкамъ; онѣ рядомъ съ нимъ жили на кладбищѣ по кельямъ. Мать Евоніи замѣчала все ва нимъ и не мало скорбѣла; да ничего сдѣлать не могла: ужъ такой человекъ былъ слабый... Что же, однако, придумала? Сама рассказывала женѣ моей: „Матушка, говорить, Прасковья Митревна, что мнѣ съ нимъ дѣлать-то срамникомъ? Таскается все къ этимъ... Ужъ я покаюсь тебѣ, ты не выдашь, родимая, вѣдь это я подошла у нихъ кельи-то, пропадай онѣ прахомъ!“ И въ заправду былъ пожаръ въ ту пору на кладбищѣ: домъ-то Ивана Матвѣича отстояли; а кельи, гдѣ жили читалки, такъ-таки и сгорѣли, ну а вновь ужъ, само собою, ихъ не постропли.

А какъ матушка-то, супруга его, умерла, тутъ ужъ Иванъ Матвѣичъ, завелъ себѣ известную Анну Θεодоровну; домикъ купилъ ей у Троицы въ Сыроматникахъ, и сына прижилъ съ ней; дочь еще была, ту на кладбищѣ и похоронилъ. И всѣ-то мы знали это, и ничего, терпѣли. А временемъ куда нескладное дѣло выходило! Разъ были мы съ нимъ на поминкахъ, пообѣдали и стали разѣзжаться. Иванъ Матвѣичъ уѣхалъ немного пораньше насъ, заѣхалъ въ лавочку, набралъ кулечикъ винъ и разныхъ разностей, поставилъ въ пролетку, да и отправился къ своей Аннѣ Θεодоровнѣ. Ѣдетъ онъ съ кулечкомъ, а мы и нагнали его, такъ недалеко отъ ея дому. Поплонулись мы, а онъ нагнулся этакъ, будто не видитъ. Ужъ какъ же, я тебѣ скажу, и намъ-то было совѣстно, да и его жалко! Растерялся бѣдный, поотсталъ отъ насъ, а видѣли, остановился-таки у знакомаго домика. По смерти такого безобразника на „Рогожскомъ кладбищѣ“ остался одинъ попъ раскольничій, известный Петръ Ермиличъ... Когда въ прещальное воскресенье 1854 г. В. А. Сапѣлкинъ пріѣхалъ по обычаю на „Рогожское кладбище“ проститься съ родителями и зашелъ къ Петру Ермиличу, попросить, чтобы принималъ его на духъ и не лишилъ причастія, то Ермиличъ съ свойственною ему грубою откровенностью отвѣтилъ: чѣмъ я буду причащать тебя? Я обѣденъ не служу и самъ десять лѣтъ не причащался. А что мы за часами говоримъ: со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите, да и раздаемъ причастіе, такъ это Кручина конторщикъ присылаетъ намъ изъ конторы *булки*, — ими и причащаемъ. Отвѣтъ этотъ глубоко огорчилъ В. Сапѣлкина. Сколько лѣтъ принималъ онъ съ благоговѣніемъ, какъ святые дары, причастіе, о которомъ самъ попъ говоритъ теперь съ такимъ *возмутительнымъ цинизмомъ*... Онъ видѣлъ теперь ясно, что настала пора покончить съ бѣглымъ поповствомъ: мысль о благословенныхъ церковію священникахъ теперь овладѣла имъ вполне; цѣлый постъ онъ обдумывалъ дѣло о присоединеніи къ церкви, сообщилъ о немъ нѣкоторымъ богѣ близкимъ изъ своихъ знакомыхъ рогожцевъ, въ которыхъ замѣчалъ также недовольство кладбищемъ, и наконецъ рѣшился привести его въ исполненіе. Вотъ какъ самъ онъ рассказываетъ о своихъ внутреннихъ ощущеніяхъ въ это трудное для него время: „Прискорбно было мнѣ смотрѣть, какъ противу моей лавки въ соборъ къ Василию Блаженному народъ во весь великій постъ толпой идетъ за службу, — всѣ молятся, всѣ говѣютъ, а я, грѣшникъ, не знаю куда прибѣгнуть! Часто со слезами молилъ я Господа Бога: сважи же, Господи, путь в онъ же пойду, яво къ тебѣ взяхъ душу мою! И по довольномъ размысленіи, взявши свѣчь, пошелъ въ Благовѣщенскій соборъ ко Всемилостивому Спасу, со слезами помолиться также въ Успенскомъ и во всѣхъ соборахъ, и призвавши на помощь Господа Бога, Пречистую Его Матеръ и всѣхъ святыхъ, рѣшился начать дѣло-

о присоединеніи". Не поклоняться же въ самомъ дѣлѣ безобразному Петру Ермилову, рѣшилъ Сапѣлкинъ.

А безобразія этого Ермилова были тоже велики. Разъ получаю я, пишеть въ своихъ запискахъ ⁴⁾ В. Сапѣлкинъ, повѣстку явиться въ одному изъ почетныхъ прихожанъ нашихъ для какого-то общаго совѣта. Собрались всѣ наши тузы, спрашиваемъ: по какому дѣлу? Попечитель, Брусникинъ Софронъ Тимофеевичъ, такой былъ грубоватый мужикъ, всталъ да и говоритъ: „получили мы, господа, письмо отъ наложницы Петра Ермильча, такъ извольте прочитать, да порѣшить, что дѣлать“.

Стали читать письмо; пишеть она, что Петръ Ермильчъ ее бросилъ, а между тѣмъ у нея остались на рукахъ прижитыя отъ него дѣти, и она не знаетъ, чѣмъ ей содержать себя и дѣтей; поэтому она рѣшается подать жалобу господину генераль-губернатору; если же попечители и прихожане кладбища не желаютъ, чтобы дѣло доведено было до свѣдѣнія правительства, то предлагаетъ, не угодно ли имъ будетъ уплатить ей ни больше, ни меньше, какъ 100.000 рублей; для заключенія же мировой сдѣлки на этомъ условіи просить обратиться въ одному чиновнику, по приложенному адресу. Прочли мы письмо это, да и олустили головы. Долго, долго молчали всѣ, только и слышно, какъ тотъ да другой вздыхаютъ... И было отъ чего вздыхать: это почище той штуки, какую Степка извозчикъ хотѣлъ сыграть съ Иваномъ Матвѣичемъ! Ну, да вѣдь вадохами не поможешь; надобно было дѣлать что нибудь. Добрый совѣтъ подавъ, наконецъ, Антипъ Митричъ (Шеллапутинъ): умный онъ былъ человекъ, истинный совѣтодавецъ, не чета всѣмъ нашимъ. Надобно ѣхать, говорить, — къ самому Петру Ермильчу, у него потребовать объясненія“.

Ну вотъ цѣлымъ поѣздомъ и отправились мы на Рогожское, прямо къ дому Петра Ермильча. Встрѣтилъ онъ насъ и какъ будто удивился, что цѣлымъ обществомъ пріѣхали. Брусникинъ первый подъ благословеніе подошелъ. У насъ вѣдь, знаешь, эта церемонія не скоро дѣлалась; а какъ народу-то пріѣхало не мало, то протянулось бы на долготу часть. Антонъ Митричъ и говоритъ: „Ужъ вы, батюшка, всѣхъ насъ за разъ благословите о имени Господни, а то пренято намъ дорого“.

Благословили онъ. Сѣли.

— Чему обязанъ, дорогіе гости, вашимъ посѣщеніемъ? спрашиваетъ.

— Да вотъ, батюшка, отвѣчаемъ мы, — нужно знать, не знакомы ли вы съ такою-то?

Не то, чтобы онъ смутился слышавъ, или испугался, а только низко такъ опустилъ голову и долго, долго молчалъ. Потомъ посмотрѣлъ на насъ, да и говоритъ:

— Знакомъ; только для чего же намъ нужно знать это?

— Да вотъ, батюшка, отвѣчаемъ мы, — письмо отъ нея попечители наши получили: пишеть, яко бы вы состояли съ нею въ связи и дѣтей прижили, а теперь бросилъ и жить ей нечѣмъ. Такъ правда ли это? Ужъ вы, батюшка, скажите намъ по совѣсти.

Опять задумался Петръ Ермильчъ, опять низко опустилъ голову; да молчавши и началъ потихоньку опускаться на колѣни: въ ноги хотѣлъ намъ поклониться. Ну, мы само собой, подхватили его, не допустили. Сѣлъ онъ, да и началъ такимъ смиреннымъ голосомъ говорить намъ:

⁴⁾ Тамъ же, стр. 203.